

В XX в. русская и европейская словесность при обращении к ситуации «Жена Лота» делает акцент на выяснении причин непослушания Библейской героини. В ряде текстов в качестве причины указывается любовь к родному городу, нежелание его оставить и – напротив – желание сохранить его в памяти, что способствует выработке новой когнитивной линии «память» в сознании авторов и интерпретаторов текстовой информации. Весьма существенно, что в смысловой структуре концепта «Содом» проявляются положительные коннотации, ср. «красные башни родного Содома».

Наложение когнитивной матрицы Библейского текста на поэтические и прозаические тексты современных авторов демонстрирует как концептуальную общность основных когнитивных признаков этих текстов, так и значительное их

отличие. Творческие преобразования Библейской концептосферы позволяют говорить о Библейской прецедентности как о динамическом конструкте, неисчерпаемом источнике продуцирования новых репрезентаций традиционного концепта и рождения новых образов.

Примечания

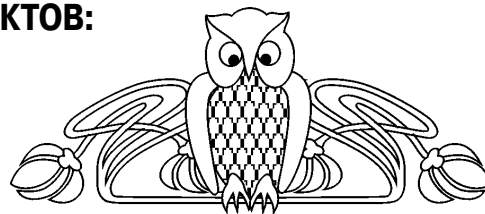
- ¹ *Полещук Д.* Как дева юная, темна для невнимательного света // Новый мир. 2002. № 6. С. 176.
- ² *Jaskóła E.* «Kto to był?» Żona Lota w poezji XX wieku, czyli rozbijanie stereotypu. Katowice, 2006.
- ³ *Кухней Л.* Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. М., 1997. С. 61.
- ⁴ *Николаева О.* Православие и свобода. М., 2002. С. 262.

УДК 81'1

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НАТУРФАКТОВ: ЭЛЕМЕНТЫ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА

Н.В. Крючкова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail:kruchkovanv@yandex.ru

В статье рассматривается концептуализация натурфактов на примере одного из важнейших для русской культуры элементов природного ландшафта *берег*. Концептуализация подобных объектов – процесс, основывающийся на чувственном восприятии; вместе с тем, результаты такой концептуализации могут характеризоваться определенной лингвокультурной спецификой.

Ключевые слова: концепт, культура, дискурс, сознание, ландшафт.

Natural Objects Conceptualized in Language: Elements of Landscape

N.V. Kryuchkova

The article deals with language conceptualization of natural objects, as exemplified by Russian noun *biereg* (bank, shore, coast) – in Russian culture, one of the major elements in landscape. Conceptualization of such objects is based on sensory perception, whereas the results of conceptualization may have some linguistic and cultural peculiarities.

Key words: concept, culture, discourse, mentality, landscape.

Берег – один из базовых элементов русского природного ландшафта, а следовательно, связанный с этим объектом ментефакт имеет основание быть одним из древнейших концептов, прочно укоренившихся в национальной концептосфере, и относится к таким концептам, на основе которых осуществляется концептуализация различных явлений, в том числе и не относящихся к сфере натурфактов. Особенности концептуализации

берега как одного из важнейших для русской культуры элементов ландшафта представляют интерес и в связи с проблемами типологии и формирования ментефактов, поскольку *берег* является, по-видимому, достаточно репрезентативным для своей сферы ментальным образованием. Данная сфера может быть обозначена как класс ментефактов, возникших путем концептуального осмысления натурфактов как разновидности конкретных объектов.

Рассмотрим дискурсивное функционирование лексемы *берег*, позволяющее, на наш взгляд, судить о содержательном наполнении соответствующего концепта. В качестве материала для анализа использовались тексты Национального корпуса русского языка (с 1900 по 2007 г.); проанализировано около 400 контекстов. Внимание уделялось главным образом случаям переносного употребления лексемы *берег*. Как показывает анализ контекстов с лексемой *берег*, способы метафорического осмысления образа берега, отношений берега и водной стихии достаточно разнообразны.

Берег (вместе с рекой) в русской лингвокультуре воспринимается как знаковый элемент пространства. Об этом свидетельствует тот факт, что *берег* может выступать в качестве «заместителя» обозначения некоей области пространства, расположенной на берегу реки; этим объясняются метонимические обозначения типа «на берегах Невы»

вместо «в Санкт-Петербурге», «на берегах Сены» вместо «в Париже» или «во Франции» и под. Ср.: Будущее, во имя которого пролито столько крови и пота, не принесло на эти *берега* ни достатка, ни гармонии, ни умиротворения. Эта функция *берега* распространяется и на «мысленное» или виртуальное пространство, ср.: Гуляя как-то по нашим бескрайним сетям, привольно раскинувшись на *берегах* великой реки Интернет, нашел я на одном из серверов упоминание об очередном чемпионате мира среди антивирусов. *Берег* может символизировать личную (психологическую) сферу субъекта, как, например, в контекстах, где контакт с другим берегом выступает в качестве метафорического обозначения межличностного контакта: Если вы не хотите, чтобы кто-то был несчастным и одиноком на своем Острове – снаряжайте корабль к далеким *берегам*. Где искать Остров? Оглянитесь – их сколько угодно вокруг. Целый архипелаг!; (Козерог) – одиночка. Ему гораздо сложнее налаживать отношения с людьми, чем большинству других знаков зодиака. Поэтому алкоголь в случае с Козерогом может выступить в качестве мостика «на другие *берега*» – немного выпив на вечеринке, Козерог станет гораздо оживленнее.

Берег может репрезентировать как «свое», так и «чужое» пространство, однако чаще все же – «свое». Так, *берег* зачастую используется для обозначения родины: Родимый край, реку, *берег* любят не за красивые пейзажи. Этот аспект концептуализации берега как элемента природного ландшафта отражен в лексикографии, ср. значение выражения *родные берега* в «Русском семантическом словаре» – ‘перен.: родина, отчизна; высок.’.

Роль базовых элементов природного ландшафта, отмечающих «свое» и «чужое» пространство, отмечает В.В. Красных: «Пространственный код, кодирующий в том числе и представления о родной земле и о чужой стороне (стране), о мире живых и о мире мертвых, о границах между мирами, непосредственно связан с базовой оппозицией «свой – чужой», соотносимой с архетипами сознания»¹; такими границами в русской культуре являются, по мнению В.В. Красных, поле, лес, река, горы.

Как показывает анализ дискурсивного употребления, в русской лингвокультуре *берег* – также один из таких знаковых пространственных элементов, осознаваемым, по-видимому, не только как граница своего и чужого пространства, но и как репрезентирующий элемент, выполняющий заместительную функцию при указании на определенную область пространства («свою» или «чужую» его часть).

Значение образа берега как базового элемента родного пространства в русской лингвокультуре подтверждают и факты диалектной речи. Так, в традиционной русской культуре речные берега служат для обозначения «своего» пространства:

«образ родной стороны тесно связан с образом освоенного людьми пространства – им могут быть речные берега... обжитая «теснота», противопоставленная простору...»²; таким «освоенным» участкам пространства противопоставляются море и лес как не населяемое человеком и потому чуждое ему пространство.

Включаясь (в силу принадлежности к «своему» или «чужому») в личную сферу субъекта, ментефакт *берег* наделяется эмоционально-оценочными коннотациями. В следующем примере оставленный берег – та часть жизни человека, которая была для него счастливой: «Дай руку, далекий бостонский друг, и войдем в нашу молодость, на исчезнувший *берег* советской Атлантиды, когда каждый из нас был беззаботен, краснощек, любил и был любимым».

Возможная вовлеченность берега в личную сферу как репрезентирующего элемента своего или чужого пространства отражена в работе М.М. Бахтина «К философии поступка»³. По мысли М.М. Бахтина, в ценностную личную сферу может включаться любой объект, но для нас важно то, что для берега как знакового элемента ландшафта в русской лингвокультуре эта вовлеченность в круг «собственных» ценностных «ориентиров» человека возникает не только в системе отдельного художественного текста, но является устойчивой характеристикой принадлежности культуры и языка. Именно «нагруженность» образа берега ценностным компонентом и делает его лингвокультурным концептом.

Осознание берега как сферы «своего», «родного» пространства базируется и на противопоставлении берега как части суши, с одной стороны, и водной стихии, с другой. Водная стихия в таком противопоставлении выступает как нечто чуждое человеку, непредсказуемое и неуправляемое; в отличие от нее, берег представляется чем-то прочным, придающим уверенность и потому наделяется положительными коннотациями. Именно это направление концептуализации отражено, например, в следующем контексте: «Одновременное узнавание себя и закрепление знания о себе. Выстраивание из хаоса черновиков «канонического» корпуса текстов как сознательный отказ от одного и намеренная причастность к другому. В конечном счете должен выйти один, общий, по собственному образу и подобию, тело-текст». Еще можно сравнить это с отвоевыванием у Вечности, бескрайнего океана-без-берегов разрастающегося постепенно пространства суши, единственной родины для сочинителя. Переход сознания в зыбкую сферу сновидений, бессознательного соотносится с физическим действием «отчаливанием» от «твердого» берега: «Старухам снились сухие тревожные сны, которые слетали к ним уже не по первой очереди, но старухи о том не знали. Только ночами, отчалив от твердого *берега*, сносятся живые с мертвыми, – приходят к ним мертвые в плоти

и слове и спрашивают правду, чтобы передать ее дальше, тем, кого помнили они».

Важная часть концептуальных представлений, связанных с берегом как элементом природного ландшафта, – осознание берега как безопасного места, где человек чувствует себя уверенно и спокойно. Факт оторванности от берега, путешествие по бурному морю ассоциируются с опасной ситуацией, исход которой непредсказуем: А гроза приближалась. Россия, – немая и мертвая. Петербург, оторванный от нее, – как бы оторванный от *берега*, безумным кораблем мчался в туманы и в гибель.

Аспектом эмоциональной концептуализации берега как безопасной части пространства, противопоставленного непредсказуемой стихии, является и осознание берега как убежища, опоры. Ср., например, использование метафоры *берега* по отношению к радиостанции «Эхо Москвы» как последнему оплоту демократических СМИ: «Есть такой роман / после ядерной войны медленно движутся ветра / Австралия в войне не участвовала / южное полушарие еще цело / Австралия / последний *берег*. Мы недавно фильм смотрели по каналу ТВ-Центр / как умирает этот последний *берег* / Австралия. Понимаете / если началась ядерная война / если человечество уничтожено / то / как правило / не уцелеют и последние *берега*. Мы сейчас на последнем *берегу*. Как вы считаете / Наталья / вы человек грамотный / просвещенный / иностранными языками владеете / значит / много на эту тему читали / как вы думаете / в ситуации такой латентной диктатуры сколько шансов уцелеть у последнего *берега* / у “Эха Москвы”?» Источником метафоризации здесь также восприятие берега как части суши, дающей твердую опору и противопоставленной поэтому водной стихии, такой опоры не представляющей.

Вместе с тем образ берега моря в отдельных случаях ассоциируется и с отрицательными эмоциональными коннотациями, например: «Вслушиваясь в тишину, вдруг обнаруживаешь дальний плеск. Пробираешься навстречу ему. И вот идешь вдоль залива, сопровождаемый убаюкивающими вздохами прибоя. Море, спасающее от *тоски и скованности берега*». Здесь отрицательная эмоциональная оценочность подчеркнутого словосочетания является, по-видимому, следствием романтизации морского путешествия; представление о береге как о безопасном месте, о твердой опоре оборачивается в системе подобных романтических ценностей отрицательной стороной. Таким образом, концептуальные представления, связанные с одними и теми же чувственно-воспринимаемыми особенностями, могут наделяться различными эмоционально-оценочными коннотациями, вступая в различные ценностные оппозиции, вовлекаясь в различные концептуальные подсистемы в рамках одной лингвокультуры.

Наряду с физическим восприятием (наглядно-чувственным образом), основой и источником возникновения ряда аспектов содержания концепта *берег*, является и сценарий морского путешествия. Так, в ряде контекстов стремление достичь берега, путешествуя в реальном или воображаемом пространстве, соотносится с поиском смысла жизни или стремлением к цели как результату каких-либо конкретных действий или размышлений человека. Ср.: «<Его предостерегают> что поражение на выборах приведет к крушению репутации талантливого политика, сделает его судьбу похожей на судьбу другого известного патриота С. Бабурина, пустившегося на прошлых выборах в одиночное плавание, да так и не доплывшего до желанного *берега*; К какому *берегу* двинуться читателю? Как разобраться в потрясающем воображение огромном количестве книг и журналов, накопивавшихся на протяжении нескольких тысячелетий?»

Частью концептуальных представлений, связанных со сценарием морского путешествия и его компонентов (отправления и прибытия), является и то, что берег может метафорически осмысляться как исходная точка некоего пути, стадия, предшествующая началу каких-либо действий. Так, выражение «на берегу» означает ‘заранее, предварительно, до начала чего-либо’, ср.: «У нас, каким бы качественным фильм ни был, заработать на нем невозможно. Поэтому задача любого отечественного продюсера – как можно больше украсть «на *берегу*»; Я думаю / как раз уместно собраться / поговорить / я не говорю / чтобы принять какой-то кодекс избирательной чести / но просто договориться на *берегу* / давайте вести честно».

Концептуализация берега как отправной и конечной точки может быть связана не только со сценарием морского путешествия. В ряде контекстов достижение берега может метафорически ассоциироваться с выбором между двумя противоположностями, тогда исходным зрительным образом будет, вероятно, представление о двух берегах одной реки. Ср.: «Любая гражданская война – очень редко в чистом виде противостояние «красных» и «белых». Кого к какому *берегу* приберет, в чей строй поставит, определяется множеством случайных событий, личных обстоятельств, неожиданных встреч – и далеко не всегда происхождением, предыдущей биографией».

Метафорическое использование образа берега может основываться и на схематическом образе противоположных берегов реки; этот образ становится основой сравнения с ситуацией, для которой характерно противопоставление двух элементов (точек зрения, идеологических позиций): два берега реки осознаются как противоположности. Ср., например: «Писала, как всегда, одна против всех. На сей раз против эмигрантской прессы, не могшей простить Волошину отсутствия у него ненависти к советской власти». Человек

парадокса, Волошин заканчивал жизнь в тисках парадоксальной ситуации, когда за его общечеловеческое мировоззрение на него накатывались волны неприязни с обоих берегов; Не следует ли открыто высказаться по поводу идеологической пропасти, нас разделяющей? Наиболее чуткие люди противоположного берега... ведь уже явно ее почувствовали и отметили. Сходным представляется использование метафоры берега и в следующем примере, где ощущаемое участниками общения различие между ними (и, видимо, отсутствие взаимопонимания) описывается через пространственную разделенность – как нахождение на противоположных берегах широкой реки: «Виктор замаялся на пороге, точно застигнутый врасплох взыскующим нищим, роясь в карманах. Он не знал, какие слова можно прибавить к своему приветствию, какими еще поприветствовать человека, стоящего на другом берегу широкой реки. На лице его выразилось почти ребяческое смущение, точно он примеривался к гире, поднять которую ему было не под силу».

Наглядно-чувственный образ реки и ее берегов лежит в основе метафоризации и в тех случаях, когда два берега осознаются как границы чего-либо, поскольку зрительный образ берега как края суши у моря содержит лишь одну границу (второй берег моря находится вне поля зрения наблюдателя).

С берегами могут сравниваться жесткие ограничения, налагаемые нормативными документами, идеологией, общественными установлениями, подчиняющими себе течение жизни человека и т.п. Объединяет подобные употребление то, что такие границы, рамки зачастую осознаются как нечто отрицательное, ограничивающее свободу человека, препятствующее развитию, при этом лексема *берег* может получать соответствующие определения, ср.: «И пусть лодочка плыла-качалась в бетонных берегах идеологии – они стали видны только теперь, когда бетон облупился и потрескался»; «Развитие мари культуры в Приморье бьется о камни законодательного берега»; «Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко». Перенос образа реки и ее берегов на стихию и то, что ее ограничивает, может использоваться для описания оппозиции рационального и иррационального начал: «Тут мы выходим из берегов новой истории, из ее рационального дня и вступаем в мистическую ночь средневековья».

Образ берегов реки может лежать в основании метафорического обозначения границ, рамок чувств и эмоций; «безграничность» чувства выступает при этом как количественный показатель, ср.: «Марио, когда мы выходили на поклонны, подходил на авансцене к этой ложе и кланялся на аплодисменты Н.С. Хрущева. <...> ... море вызванной им любви не хотело входить ни в какие берега». Этот аспект концепта *берег* отражается

и в значении лексемы *безбрежный* (и ее производных) – «огромный, необъятный, беспредельный». В следующем контексте всеобъемлющая любовь ко всему сущему определяется как чувство «без берегов»: «Индийские философы выделяют два типа бхакти в зависимости от объекта поклонения и любви. Первый – любовь к абстрактному, бестелесному Богу – Абсолюту, а через него ко всему, что создано им и в чем он растворен. <...> Но такая “любовь без берегов” доступна далеко не каждому в силу ограниченности индивидуального развития».

Образ реки, спокойно текущей в своих берегах, может также метафорически осмысляться как нормальное течение жизни; так, выражение *войти в свои берега* означает «нормализоваться, вернуться к обычному спокойному состоянию» (ср. разговорное «устаканиться»): «Он решил, что, пожалуй, стоит маленько расслабиться. Все потом войдет в свои берега. Есть в природе весна, есть разливы. <...> Мы потом славно все наладим...» В другом примере метафора берегов реки используется для обозначения разумного, рационального осмысления, и, возможно, ограничения, корректировки своего поведения, основанного на потакании природным инстинктам: «Месяц март, и хочется любви, очень сильной и конкретной. Пытаться быть аскетом не нужно, расслабьтесь и плывите по течению. Однако посматривайте на берега – мрачнеют они или становятся все больше похожими на райские кущи. В общем, разумеете, куда путь держите».

В подобных примерах основанием метафорического переноса становится концептуализация водной стихии как чего-то непредсказуемого, неуправляемого, не подчиняющегося правилам, нормам, воле человека, и берегов как налагающих ограничения на эту стихию с последующим противопоставлением таких стихийных проявлений и их «ограничителей». Ср.: «Что предприняли ваш главок и угрозыск на местах, чтобы криминальные волны не вышли из берегов?»

Итак, чувственный образ, составляющий основу ментефакта *берег*, неоднороден. Скорее следует говорить о двух разных образах: во-первых, два берега одной реки, а во-вторых, берег как край суши у моря (или океана); отличием второго образа от первого является отсутствие в поле зрения другого берега. Объективное восприятие этих двух образов как разных элементов ландшафта подтверждается и тем, что в иных лингвокультурах эти два разных элемента могут получать различное лексическое обозначение: например, в английском языке есть слова для обозначения берега моря (*coast, shore*), с одной стороны, и для обозначения берега реки (*bank*), с другой. Вместе с тем и образ берегов как границ реки, и образ берега как края суши у моря связываются с противопоставлением твердой земли и стихии, при этом вода символизирует неуправляемое, непредсказуемое, стихийное начало.

По-видимому, можно выделить три основных источника формирования ментефакта *берег*: 1) схематичное восприятие берега как фигуры на фоне ландшафта (два берега как противоположности или как границы стихии); 2) противопоставление берега как твердой суши и водной стихии (в этом случае исходной точкой метафоризации также выступает чувственное восприятие); 3) вовлеченность берега как элемента природного ландшафта в общественную практику людей (например, сценарий морского путешествия).

Содержание ментефактов, сложившихся на основе физически воспринимаемых свойств, по-видимому, должно быть сходным в разных культурах. Так, для английской лингвокультуры характерна концептуализация берега как репрезентативного элемента пространства и личной сферы человека, как безопасного и надежного места, как цели каких-то действий и проч. (ср.: *She'd given up and love had not visited her lonely shore in years; Where the wings of pain had dropped him, there had miraculously been infinite but unblinding light, a great strenuous joy that was somehow calm, like a crystal bowl that you do not drink out of, and now he had been floated back to the comfortable shore of his cool clean bed* и др. (примеры взяты из British National Corpus. <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>)). Однако воплощение физически воспринимаемых свойств объектов в лексических значениях и в метафорическом дискурсивном употреблении может зависеть и от некоторых специфических черт, свойственных отдельным лингвокультурам (в частности, в данном случае, поскольку речь идет о натурфактах, – от особенностей физического пространства, в рамках которого происходило формирование данной лингвокультуры). Так, сравнительный анализ дискурсивного функционирования лексем, номинирующих край суши у водоема, в русской и английской лингвокультурах показывает, что в русской культуре, в отличие от английской, развита концептуализация берегов как двух границ, «рамок» стихии, связанная со зрительным образом берегов как границ достаточно широкой реки: этот образ является характерной приметой русского ландшафта и не характерен для традиционного английского ландшафта.

Для обозначения ментального образования, репрезентированного в русском языке лексемой *берег*, мы оперировали термином ментефакт (а не концепт) как наиболее общим термином, применимым к различным типам ментальных образований. Следовало ли использовать по отношению к исследуемому ментальному образованию термин «концепт»? Это зависит, безусловно, от того, что понимать под концептом.

Как и ряд исследователей (в частности, В.И. Карасик), мы считаем важным выделить из ряда ментальных образований, являющихся еди-

ницами знания, памяти, ментального лексикона или единицами мыслительной деятельности, особый тип ментальных образований, имеющих особый статус и обладающих рядом специфических характеристик. Термин *концепт* мы используем именно по отношению к этому особому типу ментальных образований. Вслед за В.И. Карасиком⁴ мы считаем актуальным для концепта наличие культурной ценности. Кроме того, статус «концепта» предполагает, на наш взгляд, следующие признаки: наличие значительного количества текстов/контекстов, актуализирующих это понятие, его обсуждаемость, способность быть темой текста (или одной из таких тем).

Обладает ли анализируемый здесь ментефакт *берег* указанными признаками? По-видимому, не всеми. Можно говорить о том, что ментефакт *берег* обладает культурной ценностью, поскольку, как указывалось выше, выступая в русской лингвокультуре в качестве одного из важнейших репрезентативных элементов «своего» пространства (физического, ментального, психологического), этот ментефакт наделяется соответствующими эмоциональными и оценочными коннотациями, которые регулярно актуализируются в дискурсивном употреблении. Однако ментефакты подобного типа, по-видимому, не могут играть текстообразующую роль, становиться предметом обсуждения; в самом деле, сложно представить себе, чтобы текст или же его часть были посвящены экспликации содержания ментефакта *берег*. Ментефакт, связанный с конкретным объектом, в частности, натурфактом, может выполнять символическую функцию по отношению к тексту или его части; например, *берег* играет роль такого «символьного» концепта по отношению к тексту романа В. Набокова «Другие берега». Поэтому мы не считаем, что ментефакт *берег* обладает статусом концепта; возможно, отсутствие признака обсуждаемости и выполнение репрезентативной (символьной) функции по отношению к собственно концептам является характерным свойством всех ментефактов, репрезентирующих натурфакты (или, шире – конкретные объекты). Вместе с тем не следует исключать и того, что в художественном тексте подобные ментефакты могут приобретать черты концептов.

Примечания

- ¹ Красных В.В. «Свой» среди чужих: миф или реальность? М., 2003. С. 301.
- ² Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 108.
- ³ Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- ⁴ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.